

© 2017 г.

В.А. ЖДАНОВ

ИСПАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ГОСУДАРСТВА АВТОНОМИЙ»

Жданов Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор политологии PhD (Балашиха, Россия).

Сравнительный анализ социально-политических проблем помимо академического интереса важен тем, какие уроки политик или государственный деятель может извлечь из прошлого другой страны. Опыт региональных реформ в Испании представляет практический интерес для России, так как эта южноевропейская страна демонстрирует заметные параллели исторического развития с Российской империей. Изучение данного исторического наследия является необходимым условием успешного анализа испанских региональных реформ ввиду того, что после смерти Франко подавлявшиеся в течение четырех десятков лет авторитарным режимом оппозиционные политические силы сразу же вышли из тени эмиграции и подполья, продемонстрировав многообразный набор идеологий, оставленных богатой историей Испании.

Первое административно-территориальное устройство Испании было проведено римлянами в соответствии с их видением наиболее эффективной модели администрирования завоеванной страны. Почти сразу после завоевания они разделили страну на две провинции (Испании Ближняя и Дальняя)¹, а к концу римского владычества на полуострове их насчитывалось пять – Испании Тарраконская (Tarracoenensis) и Карфагенская (Carthaginensis), Бетика, Лузитания и Галлеция². Сменившие римлян вестготы в целом сохранили это деление так же, как и административную модель римлян. Лишь в очень небольшой степени они скорректировали прохождение границы между различными провинциями, не исправив заложенного Римом изначального дисбаланса территорий³.

Мусульманское вторжение, начавшееся в 711 г., кардинально изменило это территориальное размежевание, приведя к разделению полуострова между двумя очень различными цивилизациями и породив крайне нестабильную границу, постоянно менявшую свои очертания в соответствии с геополитической динамикой Реконкисты⁴. За исключением Гранады вся территория Иберии была освобождена от мусульман в 1248 г., когда Фердинанд III Кастильский отвоевал Севилью. К тому времени на

¹ Циркин Ю.Б. История Древней Испании. СПб., 2011, с. 214.

² Collins R. Early Medieval Spain: Unity in Diversity, 400–1000. New York, 1983, p. XV.

³ Collins R. Visigothic Spain, 409–711. – Spain: A History. Oxford, 2000, p. 40.

⁴ «Границы христианских королевств с исламом представляли собой нечто намного большее, чем просто политические и военные границы, потому что этот фронтир являлся отражением идеала, который никогда не угасал в Средневековье, а именно – идеала Реконкисты, т.е. медленного отвоевания северными христианами территории, которая была захвачена у них мусульманами в начале VIII в. В этом смысле идея Реконкисты была не просто процессом отвоевания земель, контролируемых мусульманами, поскольку она подпитывалась идеологией, полагавшей такое мусульманское господство нелегитимным. Это является ключевым моментом средневековой истории Испании: все границы с исламом, даже те, которые были самыми продолжительными по времени, всё равно всегда расценивались этой идеологией лишь как временные границы, которые в некоторый момент прекратят свое существование». – González Jiménez M. Frontier and Settlement in the Kingdom of Castile: 1085–1350. – Medieval Frontier Societies. Oxford, 1989, p. 49.

полуострове существовало четыре христианских монархии: Кастилия, Арагон, Португалия и Наварра. Хотя последнее королевство сохраняло свой суверенитет до начала XVI в., оно тем не менее не получило из-за своего периферийного географического положения никаких территориальных приращений в результате Реконксты.

Дипломатические соглашения Кастилии, Арагона и Португалии, которые последовали за разделом прежних мусульманских эмиратов, известных как тайфа, которые, несмотря на их общее исламское религиозно-идеологическое основание, отличались культурным и институциональным разнообразием — заложили основы политической фрагментации Испании, которая стала «главным институциональным наследием периода раннего Средневековья»⁵. И эта фрагментация еще более укрепила уже существовавшие различные юридические, финансовые и муниципальные режимы.

Королевство Кастилия, в состав которого в 1230 г. вошло королевство Леон, постепенно добилось главенствующего положения на Иберийском полуострове, заполучив в период правления Фердинанда III (1217–1252) контроль над обширными областями Андалусии⁶. Постепенно распространяя политические учреждения и культурные нормы кастильского ядра на территорию последней, монархи Кастилии всё же должны были принимать во внимание ее особенности. Демографически Андалусия была противоположностью Кастилии: Реконкиста привела там к массовому бегству местного мусульманского населения, что вынудило кастильских королей начать кампанию переселения туда христиан из других частей королевства. Для этого монархи начали осуществлять политику дарования отдельным городам различных муниципальных привилегий — *фуэрос* — которые города затем распространяли на своих граждан: «Это был преднамеренный политический акт, посредством которого короли пытались гарантировать невозможность утраты завоеванных территорий в результате нелояльности их жителей-мусульман; чтобы добиться этого, они переселяли христианских колонистов на новые земли и часто, хотя и не всегда, изгоняли мусульман»⁷.

Данная политика была также вызвана необходимостью сохранения больших соединений рыцарской конницы до окончания Реконксты. Крестьянин, который решался поселиться на ее территориях, должен был нести военную службу в пехоте, что тем не менее не снимало с него обязанности уплаты налогов. Но если такой крестьянин был готов купить коня, доспехи, оружие и самостоятельно овладеть необходимыми для рыцаря боевыми навыками, то он освобождался от всех податей. Постепенно наряду с расширением масштабов Реконксты эта практика налогового иммунитета в обмен на военную службу в коннице была распространена и на сопровождение рыцаря: полностью экипированный рыцарь не только не платил каких-либо налогов, но и мог перенести это право на восемь человек своей свиты. Следует, однако, отметить, что возникновение такого класса крестьян-рыцарей облегчалось тем обстоятельством, что доспехи и вооружение испанской конницы были не столь дорогостоящими, как в других странах Западной Европы⁸.

Появление порожденной историческими особенностями Реконксты страты крестьян-рыцарей может рассматриваться как один из факторов исторического паттерна формирования социальной иерархии Испании. Пространственное отражение этого паттерна может также быть отмечено в территориальном распределении прав средневековых испанских городов, находившихся на освобожденных территориях, которые получали от короля свой собственный набор законов. Но эта модель политического

⁵ Fletcher R. The Early Middle Ages: 700–1250. — Spain: A History, p. 80.

⁶ MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. New York, 1977, p. 59–60.

⁷ Lomax D. W. The Reconquest of Spain. New York, 1978, p. 96.

⁸ Ibid., p. 99.

развития не вела к неприемлемо высоким транзакционным издержкам, так как все это разнообразие кодексов укладывалось в три типа *фуэрос*⁹.

Самый поразительный пример таких региональных *фуэрос*, который напоминает права русского казачества с его классическим «с Дона выдачи нет», был сначала зафиксирован в 1076 г. в *фуэро* Сепульведы и позднее получил чрезвычайно широкое распространение вдоль всей границы с мусульманскими землями, являет собой привилегия *homicianos*, т.е. право убежища: «все..., кто стали горожанами или сельскими жителями, будь ими разбойники, или воры, или убийцы, или любые другие мужчины независимо от того, чего бы незаконного они, возможно, не совершили, или любая замужняя женщина, которая, возможно, оставила своего мужа..., все они могут получить защиту»¹⁰.

Политическая гегемония Кастилии, однако, имела свою цену: почти всегда ее короли испытывали серьезные финансовые ограничения. Отсутствие эффективного административного аппарата вынуждало их искать поддержку дворянства и верхней страты городских жителей в попытках ввести дополнительные налоги. Представительные политические учреждения, которые стали известны как кортесы, оказались способны играть значительную законотворческую роль в Кастилии, хотя они никогда так и не стали там в полной мере представительными даже в узкой структуре феодальной монархии¹¹.

Особенности испанского политического развития были еще более ярко представлены в Арагоне, который фактически являлся не единой монархией, а феодальной федерацией, созданной посредством династических браков в XII–XIII вв. Кортесы Арагонского королевства были более влиятельными, чем кортесы Кастилии, так как аристократия составлявших его регионов, используя особенности отмеченного выше расселения, в 1265 г. вынудила короля пойти на уступки. Власть аристократии была усилена учреждением постоянного комитета, который действовал в период между собраниями кортесов. Первый такой комитет под названием *Generalitat* появился в Каталонии в конце XIII в. сначала как временный орган, но с 1359 г. — уже как постоянно действующий. Он состоял из семи депутатов: двух от духовенства, двух дворян и трех представителей патрициата городов. Относительно скоро подобные постоянно действующие комитеты возникли в собственно Арагоне (1412) и Валенсии (1419)¹².

Монархи этого сословно-представительного феодального государства были абсолютными только в смысле их права вершить правосудие, но не права издавать законы. Как и в России, власть суверена ограничивалась широко распространенным мнением, что государи должны следовать моральным нормам христианства, являвшегося высшим гарантом общественного блага. Эта вполне соответствовавшее духу феодализма сочетание территориальной лояльности с нормами справедливости отчетливо видно в присяге верности кортесов Арагона новому королю: «Мы, кто не хуже, чем Вы, клянемся Вам, кто не лучше, чем мы, что принимаем Вас как нашего короля и суверенного правителя при условии, что Вы будете соблюдать все наши свободы и законы; а если нет, то нет»¹³.

⁹ «Один кодекс — *фуэро Хузго* — когда-то действовал повсюду в Испании и всё еще использовался в Леоне и некоторых других областях, но города старой Кастилии отказались от него и создали систему обычного права. В основе этих новых кодексов лежал *фуэро Сепульведы*, который был распространен на другие города между реками Дуэро и Тахо. Альфонсо VIII приказал его записать, а затем даровал Куэнке как письменный (и поэтому менее подверженный изменениям) кодекс. Под названием *фуэро Куэнки* он стал действовать во многих других городах, включая Сорию, Пласенсию и Касерес. Под названием *фуэро Теруэля* он распространяется на многие города Арагона, под названием *фуэро Уклеса* — на многие сеньориальные города. Таким же образом *фуэро Авилы* распространяется на Эвору и от Кории до Усагре». — *Lomax D. W. Op. cit.*, p. 99.

¹⁰ *González Jiménez M. Op. cit.*, p. 72.

¹¹ *Payne S. G. Basque Nationalism. Reno (NV), 1975, p. 6–7.*

¹² *MacKay A. Op. cit.*, p. 104–105, 116.

¹³ *Herr R. Spain. Englewood Cliffs (NJ), 1971, p. 41.*

Как и в других странах Европы территориальная форма государств была в то время функцией династических союзов. Но, возникнув однажды как результат специфической комбинации интересов монархов, эти союзы начинали жить собственной жизнью. Короли Кастилии и Арагона довольно рано научились умерять посредством династических браков свою борьбу за гегемонию на полуострове. В 1469 г. такой брак между Изабеллой, принцессой Кастилии, и Фердинандом, принцем Арагона, бывшими не такими уж дальними родственниками из-за браков между их предками, создал супружеский союз, который имел серьезные политические последствия, став первым шагом на пути к созданию единого испанского государства: «Ничто в последующей истории Испании не может быть понято кроме как на историческом фоне этой династической революции»¹⁴.

Свидетели внутривнутриполитических неурядиц и дети из чрезвычайно неблагополучных семей, Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская были убежденными сторонниками сильного и хорошо организованного государства. Нелегитимное восшествие Изабеллы на кастильский престол в 1474 г. спровоцировало как гражданскую войну, так и войну с Францией и Португалией. В свою очередь Фердинанд даже не мог приказать закрыть окна в кортесах Арагона без добавления обязательного «если *фуэрос* это позволяют»¹⁵.

Хотя и будучи достаточно сильным, чтобы являться главным геополитическим фактором на полуострове, кастильское ядро всё же не могло распространить свои политические институты сначала на Арагон, а впоследствии — и другие земли Испании. Но эта относительная слабость Кастилии в процессе строительства испанского государства не означала отказа от системообразующего фактора функционирования его политической системы, а именно создания на различных условиях вертикальных коалиций короля с аристократическими элитами этих регионов. Следует отметить, что эти элиты никогда не только не пытались создать какую-либо — говоря современным языком — аристократическую ассоциацию регионов, но даже и не высказывали когда-либо намерения создать таковую.

Успешное завершение Реконкисты при Фердинанде и Изабелле имело серьезные последствия для будущего территориального устройства Испании. Королевства, которые объединились в результате брака этих монархов, были основаны на очень различных политических традициях. Хотя в обоих существовали средневековые парламенты, кортесы Кастилии никогда не обладали законодательной властью, тогда как парламенты Каталонии, Валенсии и Арагона, образовывавшие Арагонское королевство, разделяли свою власть с монархом.

Политическое наследие Фердинанда и Изабеллы может быть охарактеризовано как федеративная монархия, в которой у больших составных территориальных единиц существовали свои собственные политические институты, юридические особенности и культурные традиции вплоть до XVIII в., т.е. намного позднее 1515 г., когда Наварра окончательно вошла в состав Кастилии¹⁶. Однако даже в последней три баскских территории сохраняли традиционные права, конституировавшие своего рода средневековую зону свободной торговли¹⁷.

Возможно, одним из последствий Реконкисты стало большее, чем у народов других стран Европы, повиновение населения Кастилии королевской воле. То же самое не может быть сказано о втором компоненте этого монархического союза: преданность подданных Арагона монархам была основана на вертикальных коалициях местных аристократических элит с сувереном, обусловленная обязательством последнего гарантировать их права и свободы.

¹⁴ *Fernández-Armesto F.* The Improbable Empire. — Spain: A History, p. 121.

¹⁵ *Davis N.* Europe. A History. Oxford, 1996, p. 451–453.

¹⁶ *Días López C.E.* The State of the Autonomic Process in Spain. — *Publius*, v. 11, № 3–4, 1981, p. 193.

¹⁷ *Fernández-Armesto F.* Op. cit., p. 121.

В отличие от других стран Западной Европы, где абсолютистские режимы основывались на балансе политической власти аристократии и экономической мощи буржуазии, испанская монархия была основана на нерушимом социальном союзе монархии и аристократии, которых гораздо больше беспокоила возможность народного недовольства, чем королевские привилегии. В свою очередь католические монархи также прекрасно осознавали свою социальную общность с аристократией¹⁸. Эта особенность социально-политической в Испании ситуации может быть объяснена совокупной экономической мощью и общественным влиянием монархии и аристократии, которая существенно перевешивала экономическую мощь и общественное влияние городского населения. К тому же если испанские политические институты были сконцентрированы в центральной части полуострова, то противники коалиции монархии и аристократии – на географической периферии Барселоны и Валенсии.

Персоналистский стиль государственного управления католических монархов, осуществлявшийся в том числе и виде их частых поездок по всей стране, когда они определенное время управляли Испанией из столицы того или иного региона, облегчался географической конфигурацией королевства. Расположение политической власти в центре иберийского «квадрата», из которого распространялись линии королевских маршрутов, явилось территориальным отражением этих вертикальных коалиций. Такая практика была прекращена в правление Филиппа II (1556–1598), приказавшего перенести в 1561 г. столицу из Толедо в Мадрид и прочно обосновавшегося там в построенном по его приказу дворцово-монастырском комплексе Эскориал, всей своей архитектурой подчеркивавшим начало перехода монархии Испании от сословно-представительной к абсолютной. Следует, однако, отметить, что отказ от таких поездок был вызван, помимо особенностей характера этого монарха, еще и объективной потребностью управления из единого центра делами огромной империи с населением в 50 млн человек и занимавшей полмира, что в свою очередь породило разрастание бюрократического аппарата¹⁹.

Хотя испанское государство возникло раньше, чем коллективный национальный менталитет испанцев²⁰, уже современники Фердинанда и Изабеллы начали признавать особый характер их союза, так как политические события, которые последовали за этим браком, положили начало появлению новой, испанской идентичности. Ее рождение было кроме всего прочего вызвано также введением единой валюты и консолидировано появлением первого общеиспанского религиозно-политического института – Священной Инквизиции²¹.

Стратегические игры королевской власти с аристократическими элитами облегчилась относительной доступностью ресурсов, а также более или менее стабильной геополитической обстановкой. Если первая была обеспечена завоеванием Испанией ее заморских владений, то последняя – хотя Испания и была постоянно вовлечена в различные войны со своими соседями – была гарантирована ее расположением на европейской периферии. После начала Тридцатилетней войны Испания оказалась втянута в большую европейскую политику, которой страна просто не могла себе позволить. Отчаянная потребность в деньгах с неизбежностью влекла за собой отмену существовавшего в течение нескольких столетий на испанской периферии льготного режима налогообложения, который не мог сохраняться далее из-за необходимости введения чудовищных налогов, неприемлемых ни для какого, даже ограниченного представительного политического института.

¹⁸ *Herr R.* Op. cit., p. 41–42.

¹⁹ *Parker G.* *Imprudent King. A New Life of Philip II.* New Haven – London, 2014, p. 62–79.

²⁰ *Linz J.J.* *Un sociologo ante el problema: Una España multinacional y posibilidad de una democracia consociacional.* – *Federalismo y regionalismo: Preparación y coordinación.* Madrid, 1979, p. 130–131.

²¹ *Davis N.* Op. cit., p. 451.

Вся структура вертикальных коалиций начала рушиться в правление Филиппа IV, первый министр которого граф Оливарес (назначенный королем на эту должность в марте 1621 г.) видел свою обязанность в первую очередь в устранении внутренней разнородности испанского государства²². В 1624 г. он советовал королю в своем меморандуме: «Самое главное для Вашего Величества — это стать королем Испании», а не королем Кастилии, Арагона или Валенсии. Для достижения этой цели Оливарес предлагал королю «секретный план по приведению вида и законов королевств, из которых состоит Испания, к виду и законам Кастилии. И если Ваше Величество добьется этого, то Вы станете самым великим государем в мире»²³. Регионы ответили понятным недовольством, кульминацией которого стало каталонское восстание 1640 г., участники которого угрожали выходом из испанского королевства²⁴.

Финансовые, а впоследствии и политические ограничения, создававшиеся *фуэрос* Арагона и Валенсии, которые защищали эти королевства от военных налогов и предоставлявших легитимное оправдание их восстаниям, особенно сильно дали о себе знать во время войны за испанское наследство (1701—1714). Принципиальный сдвиг в сторону установления централизованной власти в Испании был облегчен воцарением на испанском престоле новой династии Бурбонов, которая в течение всего XVII в. социализировалась в рамках французской политической традиции сильного централизованного государства.

Первый из испанских королей этой династии, Филипп V, добился обеспечения финансовой основы монархии, ликвидировав в 1707 г. *фуэрос* Арагона и Валенсии и сведя эти королевства «без какого-либо отличия до законов Кастилии и их применения, к форме правления и практике государственного управления, которые существовали в ней»²⁵. Подобные же изменения в 1716 г. были наложены и на Каталонию с дополнительным условием, что кастильский язык должен был отныне употребляться на всех уровнях судопроизводства. Кортесы этих королевств прекратили свое существование, войдя в состав кортесов Кастилии, которые после этой политической метаморфозы фактически стали кортесами Испании. Но особенности династических союзов помешали даже Бурбонам, несмотря на всё их централизаторское рвение, завершить смену формы испанской государственности. Поддержка, которую баскские территории и Наварра оказали Филиппу в его династической борьбе, позволила им сохранить свои *фуэрос*²⁶.

Испанские либералы, в не меньшей степени вдохновлявшиеся французской моделью (правда, в их случае наполеоновской), предложили «рациональную» и «просвещенную» конституцию 1812 г., предусматривавшую создание централизованного государства, ликвидацию региональных олигархий, раздачу церковного имущества частным владельцам, свободу слова и собраний. Второе издание этой конституции в форме конституции 1822 г. предусматривало создание 52 провинций, установив прецедент нынешнего провинциального деления Испании.

В 1833 г. Хавьер де Бургос, министр Изабеллы II, предложил региональную реформу Испании на основе конституций 1812 и 1822 гг. Изменения имели целью прежде всего создать административно-территориальное устройство Испании, основывавшееся на уровне провинций в обход исторических регионов. Такая модель, будучи унитарной и централистской по своей природе, испытывала на себе влияние наполеоновской традиции, в рамках которой провинциальный уровень рассматривался как территориальное представительство центра, а глава провинции — как представитель

²² Ballesteros G.A., Rivera E.P. Los desequilibrados socioeconomicos en España de las Autonomias. Barcelona, 1995, p. 23.

²³ Díaz López C.E. Op. cit., p. 194—195.

²⁴ Herr R. Op. cit., p. 42—44.

²⁵ Herr R. Flow and Ebb, 1700—1833. — Spain: A History, p. 176.

²⁶ Herr R. Spain, p. 45.

центрального правительства²⁷. Это была иерархическая территориальная модель, где центральное правительство управляло периферией через свои местные представительства. Отличительным признаком этого типа территориальной организации была плотная клиентелистская сеть, где местные боссы — «касики» — являлись ее «узлами».

Недостатки испанской государственности дали знать о себе во время так называемых Карлистских войн, которые дважды сотрясали как испанское королевство, так и испанскую Первую республику в 1833–1840 и 1872–1876 гг. Карлистское движение было гораздо большим, чем просто династическим конфликтом. Это была «классическая форма контрреволюции»²⁸ в сочетании с неискренней защитой местного самоуправления, обеспечивавшегося благодаря *фуэрос* трем баскским провинциям, в сельской местности которых карлисты всегда находили поддержку. Историческая традиция политического союза между самыми консервативными силами испанской истории и сторонниками баскской независимости серьезно сказалось на характере борьбы за автономию этой территории. В отличие от Каталонии, где борьбу за независимость поддерживала городская буржуазия, в землях басков ее базу составляли крестьяне и духовенство²⁹.

Хотя басков и отличает высокая степень национальной самоидентификации, они не могли в отличие от каталонцев придать ей должный уровень легитимности путем обращения к письменным источникам, оставленным единым территориально-политическим центром. Кроме того, баскский язык не мог соответствовать каталанскому по степени своего распространения и качеству литературных произведений, которые были на нем написаны. Все, что было создано на основе баскского языка, существовало или в виде баллад или в фольклорной форме³⁰.

Баскские *фуэрос* были аннулированы в 1876 г. правительством либералов, которое использовало поддержку басками карлистского восстания как предлог для устранения этой помехи на пути политической централизации страны во французском стиле. (Следует отметить, что несмотря на эти радикальные меры Наварра всё же смогла сохранить свои *фуэрос*.) С тех пор восстановление этих привилегий стало главным лозунгом баскских националистов³¹.

Консолидация легитимных требований баскской независимости стала главной задачей Сабино Арана Гойри (который сам происходил из семьи видных карлистов), ставшего основателем современного баскского национализма и Баскской националистической партии (PNV), основанной им в 1894 г. Главной угрозой баскской идентичности, по мнению Арана, была в то время интенсивная миграция в три баскских провинции испанцев, т.е. испаноязычных андалусийцев или галисийцев, привлеченной в Бильбао быстрым промышленным ростом. Чтобы спасти сообщество басков от растворения в этой массе мигрантов, Арана избрал новую национально-территориальную общность — *Euzkadi* (Страну Басков) — которая должна была быть отделена от Испании ради сохранения чистоты баскской крови и языка³². Хотя в конечном счете PNV и отклонила расовую исключительность своего основателя, она никогда так и не смогла «полеветь», всегда оставаясь католической консервативной партией³³.

В отличие от баскского консервативного национализма его каталонский аналог, т.е. «вера в то, что Каталония являет собой самостоятельную общность по своим расовым, культурным и историко-традиционным основаниям, которая требует поэтому специального режима»³⁴, начиная с его возникновения в 1830-х годах в форме ката-

²⁷ Ballesteros G.A., Rivera E.P. Op. cit., p. 26.

²⁸ Carr R. Spain: 1808–1975. Oxford, 1982, p. 184.

²⁹ Díaz López C.E. Op. cit., p. 195.

³⁰ Payne S. Op. cit., p. 74.

³¹ Ibid., p. 54.

³² Ibid., p. 65, 72.

³³ Carr R., Fusi Aizpurua J.P. Spain: From Dictatorship to Democracy. London, 1979, p. 12.

³⁴ Carr R. Op. cit., p. 539.

лонского литературного ренессанса, был более сложным культурным и политическим явлением с четко обозначенными левым и правым флангами.

Именно эта сложность каталонского национализма в конечном счете и привела его к упадку в 1920-е годы, так как стало невозможным сохранять в пределах одной четко определенной территории, население которой все более и более становилось и социально-экономически и политически поляризованным, политический союз с испанскими консерваторами (сочувствие которых даже к чрезвычайно ограниченной автономии Каталонии не слишком-то давало о себе знать), не подвергая себя в то же время угрозе уступить свой левый фланг радикалам — ярым сторонникам централизма. Поэтому начало 1920-х годов было отмечено разделением политического и социально-экономического каталонского национализма, когда первый переместился в сторону левых республиканцев, что нашло свое организационное выражение в создании в 1922 г. партии «Каталонское действие», в то время как последний с энтузиазмом поддержал в следующем году государственный переворот генерала Примо де Риверы³⁵.

Социальная сущность этого военного режима, просуществовавшего восемь лет, была понята в Испании как союз каталонской буржуазии и андалусских землевладельцев, напуганных угрозой международного коммунизма. Но у безопасности была своя цена: политический каталанизм был подавлен, а использование каталанского языка запрещено даже в церкви³⁶.

Хотя диктатура Примо де Риверы положила конец касикизму и региональные боссы патронатно-клиентелистских сетей были заменены новыми элитами, представлявшими различные секторы экономики³⁷, провал политики построения нового корпоративного государства вызвал отчуждение многих сторонников режима Примо де Риверы. Попытка реформировать армию стоила ему поддержки вооруженных сил. Но крах этого режима означал также и конец монархии, так как легитимность короля Альфонсо XIII зиждилась на его коронационной присяге верности конституции, отброшенной восемью годами ранее, когда этот король одобрил государственный переворот³⁸.

Вторая испанская республика была установлена в апреле 1931 г. Решение регионального вопроса входило в число наиболее важных политических приоритетов ее руководителей. Конституционная комиссия под председательством социалиста Хименеса де Асуа намеревалась создавать государство, которое смогло бы интегрировать исторические регионы в «большую Испанию», предоставив им политическую автономию, которая соответствовала бы «степени их культуры и прогресса»³⁹. До начала гражданской войны только три региона избрали этот путь: Каталония, Страна Басков и Галисия, причем лишь Каталония стала единственной территорией, в которой процесс регионализации был успешно завершен.

Республика не обладала достаточно широкой социальной базой, чем не преминули воспользоваться ее влиятельные враги, для которых установление республиканского правления означало утрату Испанией своей идентичности. Даже само наличие каталонских республиканцев, активно продвигавших идею автономии Каталонии среди сторонников республики, казалось офицерскому корпусу началом конца испанской территориальной целостности, сохранение которой они рассматривали как свою основную обязанность⁴⁰. Принятие конституции с широкой автономией для

³⁵ Jones N. Regionalism and Revolution in Catalonia. — Revolution and War in Spain: 1931–1939. London, 1984, p. 86.

³⁶ Carr R. Op. cit., p. 569.

³⁷ Carillo E. Local Government and Strategies for Decentralization in the «State of the Autonomies». Toward Federal Democracy in Spain. — Publius, v. 27, № 4, 1997, p. 41–42.

³⁸ Carr R. Liberalism and Reaction: 1833–1931. — Spain: A History, p. 242.

³⁹ Ballesteros G.A., Rivera E.P. Op. cit., p. 28.

⁴⁰ Jones N. Op. cit., p. 109.

исторических областей только подтвердило их подозрения. 17 июля 1936 г. испанская Африканская армия в Марокко подняла мятеж, который был поддержан на следующий день вооруженными силами повсюду в Испании. Поражение Второй республики в гражданской войне открыло путь кастильской националистической диктатуре.

Будучи формально монолитным и покоясь, согласно его идеологии, на трех институциональных основах — католической церкви, армии и Фаланге — режим Франко в действительности поддерживался подвижными коалициями очень разных политических акторов — фалангистов, карлистов, католических консерваторов, монархистов и технократов, которые в свою очередь опирались на поддержку не менее различных групп интересов. То, что такие весьма отличные друг от друга основные игроки вошли в этот блок, неизбежно вело к постоянным внутренним конфликтам⁴¹. Возникнув как консервативная коалиция, общим знаменателем которой являлось лишь неприятие политики Второй республики, франкистский блок, точнее, его участники, отнюдь не были едины в своем видении будущего Испании⁴².

Испанская специфика такой свойственной всем авторитарным режимам характеристики заключалась в ее неразрывной связи с многовековой исторической традицией политической монополии центра, посредством вертикальных альянсов с региональными элитами обеспечивавшего относительную стабильность системы. Авторитарный режим, являвшийся по определению сверхцентрализованным и жестко подавлявшим любые проявления регионализма, воспринял тем не менее форму таких подвижных альянсов, где роль региональных элит стали играть уже упомянутые выше функциональные элиты центра, модерируемые диктатором, дававшим в зависимости от текущей политической ситуации приоритеты той или иной фракции и не допускавшим ни малейшей возможности их институционализации. Эклектическая идеология, спроецированная на испанское общество франкистским режимом, отразила это специфическое соединение политических акторов, которое идеологически основывалось на множестве политических и социальных доктрин, существовавших в Испании в течение по меньшей мере трех веков⁴³.

В первые годы диктатуры ее структура и методы отразили политическое влияние и идеологическое воздействие итальянского фашизма и германского нацизма. Но франкистский режим и сам Франко не раз демонстрировали способность к политическому маневру, если возникала угроза стабильности диктатуры. После Второй мировой войны франкизм начал ускоренно подстраиваться к изменяющемуся внутреннему и внешнему политическому окружению. Уже летом 1945 г., под влиянием военного поражения держав оси Франко назначил президента «Католического Действия» (*Acción Católica*) новым министром иностранных дел, желая продемонстрировать мнимое сходство своего режима с христианскими демократиями Европы⁴⁴.

Когда в конце 1950-х годов экономическая политика автаркии зашла в тупик и возникла угроза кризиса, режим предпринял решительный поворот к «открытой» экономике, которая заложила основы испанского экономического чуда. Наконец, в середине 1960-х годов с началом возникновения массового оппозиционного движения франкизм объявил о переходе к политике «открытости» (*aperturismo*), т.е. либерализации политической системы без изменения ее базовых институтов. Пропагандисты диктатуры определяли ее как «органическую демократию», которая при учете уникального исторического пути Испании позволяет сохранять национальные традиции и в то же время быть открытой изменениям⁴⁵.

⁴¹ Carr R., *Fusi Aizpurua J.P.* Op. cit., p. 21–37.

⁴² Tusell J. *Introducción al franquismo. — Fascismo y franquismo cara a cara. Una perspectiva histórica.* Madrid, 2004, p. 28.

⁴³ Ibid., p. 28–29.

⁴⁴ Tusell J. *La institucionalización del franquismo — Fascismo y franquismo...*, p. 165.

⁴⁵ Carr R., *Fusi Aizpurua J.P.* Op. cit., p. 174–175.

Соответственно политической ситуации менялись композиция и принципы формирования альянсов консервативной элиты. Диктатор очень внимательно относился к подбору и расстановке высших управленческих кадров своего режима. Для его ранних периодов была характерна даже некоторая профессиональная специализация политических клик, высшим арбитром в постоянных конфликтах между которыми выступал каудильо. Так, например, органы правосудия являлись «доменом» карлистов, имевших давно отлаженные хорошие связи с Ватиканом. Экономический сектор был вотчиной монархистов (сторонников короля Альфонсо XIII), отличавшихся профессиональными знаниями в этой области и поддерживавшими контакты с самыми влиятельными мировыми экономическими кругами. Министерства труда и сельского хозяйства по причине их большой социальной значимости были вотчиной фалангистов. Католики монополизировали образование и внешнюю политику. Однако со временем критерии отбора приобретали всё более субъективный характер, важнейшим становился фактор личного знакомства с Франко, что неизбежно привело в последние годы диктатуры к засилью посредственности в высшем слое режима⁴⁶. Однако, несмотря на изменения во внешнеполитической ситуации, которая обуславливала состав и форму альянсов консервативной политической элиты Испании, являвшейся социальной опорой франкизма, «специфика режима Франко заключалась в том, что он, приспосабливаясь к меняющимся обстоятельствам, всегда оставался личной диктатурой»⁴⁷.

Политика апертуризма вызвала раскол в национальном движении басков. Опасения растворения баскской народности в среде иммигрантов породили в PNV настроения искать точки соприкосновения с франкистским режимом и в то же время начать кампанию интенсивного поиска международной поддержки, имея перед собой успешный опыт создания Израиля. Опираясь на такую поддержку, PNV начала активно призывать к мирному политическому урегулированию, ведя пропаганду либеральной реформы, важнейшим элементом которой должна бы была стать договоренность об автономии Страны Басков⁴⁸.

Антибуржуазное крыло баскского национального движения, создавшее к тому времени организацию *Euskadi ta Askuna* (ETA, Страна басков и свобода), требовало достижения полной независимости Страны Басков путем вооруженной борьбы. Не приемля политический национализм PNV, ETA предпочла ему национализм милитаристский, смоделировав его по образцу национально-освободительных движений третьего мира. В 1963 г. ассамблея ETA выразила категорическое неприятие попыток PNV провести переговоры с правительством Франко. Баскский национализм был охарактеризован на ней как общественное движение, которое «создало синкретическую платформу, соединившую понятия классического национализма с новым видением вооруженной борьбы». ETA стала рассматривать испанское государство как репрессивную метрополию, а Страну Басков — как его колонию, когда только вооруженная борьба становилась единственным средством сохранения культурного наследия басков⁴⁹.

Франкизм пытался нивелировать все формы культурного и политического многообразия. Но старая иерархическая модель территориальной организации уже не соответствовала модернизационному посылу диктатуры, когда она предприняла попытки преодолеть международную изоляцию и положить конец периоду экономической автаркии. Прежняя иерархическая модель была заменена моделью, соединившей в себе высокий уровень территориальной централизации с некоторой функциональной децентрализацией, что подразумевало укрепление периферийной администрации и создание институтов со строго определенными функциональными обязанностями.

⁴⁶ *Tusell J.* Introducción al franquismo. — Fascismo y franquismo..., p. 29.

⁴⁷ *Tusell J.* La institucionalización del franquismo. — Fascismo y franquismo..., p. 164.

⁴⁸ *Roach S.C.* A Constitutional Right to Secede? Basque Nationalism and the Spanish State. — *International Studies Perspectives*, v. 8, № 4, 2007, p. 453–455.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 453.

Но и в этой модели центр сохранял за собой полную монополию на формулирование и осуществление своей политики повсюду в Испании.

В этот период было предложено несколько проектов региональной реформы. Все они отвечали потребностям экономического развития и планирования, а также необходимости создания адекватной территориальной основы отдельным институтам, которые выходили за рамки уровня провинции, например, университетам или крупным военным формированиям. В результате территория страны была разделена на несколько типов округов, каждый из которых создавался согласно специализированным критериям: были сформированы военные, судебные, фискальные, церковные и университетские округа⁵⁰.

Таким образом, даже франкистская диктатура была вынуждена считаться с объективными требованиями регионализации, создавая организационные предпосылки строительства испанского государства автономий, архитекторы которого должны были принять во внимание многие историко-культурные, социально-экономические, политические и идеологические особенности испанского регионализма, краткому описанию которых была посвящена эта статья.

⁵⁰ *Ballesteros G.A., Rivera E.P. Op. cit., p. 28–29, 30–33.*